

2.2. КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А.Б. ГОФМАН

FESTINA LENTE: ОТ КУЛЬТУРЫ УСКОРЕНИЯ К КУЛЬТУРЕ ЗАМЕДЛЕНИЯ

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению культуры скорости в современном мире. Анализируются социальные последствия кульма скорости и неконтролируемого ускорения в различных областях жизни. Среди них: поглощение настоящим временем прошлого и будущего; социальная амнезия; поверхностный характер социальных изменений; безудержный рост информационного мусора; трудности отбора необходимой информации и опасность утраты культурных достижений в быстро движущихся потоках информационного мусора и др. Рассматриваются некоторые аспекты «Медленного Движения», получившего широкое распространение и противостоящего бесконтрольному и всеобщему ускорению. В заключение проблематика ускорения анализируется применительно к российским реалиям.

Abstract: The subject of this article is the culture of acceleration in contemporary world. The author analyzes some of grave social consequences provoked by a cult of speed and by uncontrolled acceleration in various domains of life, including “presentism”, i.e. absorption of past and future by the present; social amnesia; superficial character of social change; growing difficulties in selection of necessary information; a danger of loss of culture acquisitions, etc. Some aspects of widespread “Slow Movement”, opposing to uncontrolled and total acceleration, are analyzed. Finally, the problems of acceleration are considered in Russian context.

Ключевые слова: Ускорение, замедление, «Медленное Движение», политика времени, российское общество.

Keywords: Acceleration, deceleration, “Slow Movement”, politics of time, Russian society.

Гофман Александр Бенционович – доктор социологических наук, профессор, профессор департамента социологии НИУ «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва). E-mail: a-gofman@yandex.ru.

Выживание скорейшего?

«Festina lente» – «поспешай медленно» – советовал римский император Октавиан Август. Судя по многим признакам, этот совет в наше время основательно забыт. «Мы живем в эпоху громадных скоростей и быстрых повсеместных изменений» – более банальное утверждение сегодня трудно себе представить. Об этом мы каждый день всюду слышим и читаем, это мы наблюдаем и чувствуем, наконец, в этом мы сами участвуем. Высокая скорость и ее культ – это и реальность, и нравственный императив нашего времени. «Кто не успел, тот опоздал» – такого рода максимы внушаются людям на каждом шагу. Надо двигаться, причем двигаться быстро. Если ты слегка замешкался и не набрал вовремя нужную, т.е. высокую скорость, причем в заданном тебе, но не тобою направлении, то тем хуже для тебя.

В мире высоких скоростей человеку, не движущемуся с высокой скоростью, нет места. Тот, кто не движется быстро, кто находится «не в тренде», не попадает вовремя «в струю», считается недотепой и неудачником, оказавшимся на обочине жизни, не способным принести пользу ни себе, ни своим близким, ни обществу. Быстрее – значит лучше! – этот постулат выглядит истиной либо уже доказанной, либо не требующей доказательств. «Хочешь жить – умей вертеться», «куй железо, пока горячо», «либо хорошо есть, либо хорошо спать»: эти и подобные им старые фольклорные истины сегодня оказываются весьма популярными и востребованными. Противоположные им максимы народной мудрости, вроде «тише едешь – дальше будешь», «поспешешь – людей насмешешь», особой популярностью не пользуются. Принцип естественного отбора, провозглашенный радикальными приверженцами социального дарвинизма, – «выживание сильнейшего» (“survival of the fittest”), – сегодня превратился в принцип «выживание скорейшего» (“survival of the fastest”).

Даже у тех, кто сам двигается не очень быстро, мы наблюдаем настоящий культ скорости. При этом страдают не только те, кто отстает, но и те, кто успевает. Часто они испытывают сильную усталость, буквально задыхаются от высокого темпа жизни, и им все равно не хватает времени, причем даже на то, что сами они считают для себя главным.

Высокая скорость – это феномен одновременно физический и социокультурный. Высокая физическая скорость – факт, вызванный достижениями современной технологии. Если надо добраться из пункта *A* в пункт *B*, то, согласно бытующим представлениям, сделать это надо как можно быстрее. Для индивида быстро двигаться в социокультурном пространстве и времени – значит беспрерывно изменяться в соответствии с духом и направлением движения этого пространства и времени, с «мейнстримом», с модой.

Тотальное и непрерывное ускорение одни просто констатируют и описывают, стремясь выступать в качестве наблюдателей; другие им восхищаются, стараются в него вписаться и призывают к этому других; третьи от него устают или приходят в ужас, стремясь, насколько возможно, ему противостоять.

Проблема ускоряющегося движения и изменения не заняла бы столь важного места в современном мире, если бы не касалась самых различных сторон, самой сущности жизни человека и общества. Быстро надо делать все: есть (отсюда сеть фаст-фудов), учиться, читать (курсы быстрого чтения помогают овладеть этим умением), мыслить, чувствовать, исполнять художественные произведения и даже религиозные ритуалы. Быстро, стремительно движется в пространстве и во времени (а передвигаться во времени — значит изменяться) все: человеческие тела, животные, растения, идеи, чувства, вещи, тексты, знания, верования, технологии, транспортные средства, финансы, образы и т.д. Многие теоретики справедливо указывают на то, что эта всеохватывающая акселерация неразрывно связана с рядом других основных тенденций и проблем нашего времени, таких как глобализация, риск, неустойчивость, эфемеризация отношений людей (друг с другом, с культурной и природной средой), неопределенность, непредсказуемость и т.п.¹ Современный мир — мир «позднего модерна», «высокого модерна» или «постмодерна» — характеризуют как «текущий», «сиюминутный» и «ненадежный» (Зигмунт Бауман)²; «стремительно несущийся» (“runaway”) (Энтони Гидденс)³; неустойчивый, полный разнообразных рисков и угроз (Ульрих Бек)⁴; «номадический»; «турбулентный»; как мир «гиперкультуры», т.е. легко развлекающей, быстро надоедающей и требующей постоянной «дозаправки» вследствие истощения своих энергетических резервов (Стивен Бертман)⁵, разнообразных «потоков» и «мобильностей», становящихся «мгновенными» (Джон Ури)⁶ и т.п. Французский философ Поль Вирильо не случайно обосно-

¹ «...Глобализация есть не что иное, как акселерация особого рода, которая приводит к тому, что пространство сжимается или стирается вовсе». Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. — М.: Изд. «Весь мир», 2003. — С. 69.

² См.: Бауман З. Текучая современность. — СПб: Питер, 2008.

³ «Стремительно несущийся мир» (“Runaway world”) — заголовок известной книги британского социолога. В русском издании это выражение было переведено как «ускользающий мир». См.: Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. — М.: Весь мир, 2004. Но этот вариант вряд ли можно признать удачным. «Ускользание» может быть и медленным, тогда как «стремительно несущийся» гораздо точнее и лучше выражают суть слова “runaway” и, судя по содержанию книги, авторского замысла.

⁴ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.

⁵ См.: Bertman S. *Hyperculture. The Human Cost of Speed.* — Westport, Connecticut; London: Praeger, 1998. — P. 123.

вызывает необходимость «дромологии» — особой науки о скорости: в век высоких скоростей такая необходимость выглядит вполне естественной.

В глобализованном мире возможность и реальность быстрой мобильности, ее степень, в настоящее время относятся к числу важных факторов и критериев места в социальной стратификации. Те, кто имеет возможность быстро перемещаться в глобализованном мире, принадлежат к высшим слоям, а те, кто прикован к определенным местам проживания — к низшим. У первых, живущих в беспредельном пространстве, время заполнено до предела, они живут в изолированном настоящем; вторые находятся в сжатом пространстве, а их время избыточно, и они не знают, чем его заполнить⁷.

Под влиянием небывалого и повсеместного ускорения время человеческой жизни, как и ее пространство, испытывает разнообразные метаморфозы. Оно испытывало их и раньше, при менее значительных ускорениях, но сегодня эти метаморфозы приобрели беспрецедентный характер. Среди них — сжатие времени и его сведение к настоящему за счет прошлого и будущего. Настоящее, с одной стороны, изолируется от прошлого и будущего, с другой, целиком подчиняет их себе. Прошлое и будущее если и не исчезают совсем из актуально функционирующей культуры, то низводятся до уровня эпифеноменов. Уменьшение значения прошлого проявляется, в частности, в снижении роли традиций. Что касается будущего, то оно «продолжает растворяться во все более расширяющемся настоящем» и «больше не является чем-то, во что люди склонны верить»⁸.

Прошлое и будущее, можно сказать, поглощаются настоящим на оси времени, если вообще в данном случае уместно говорить о сохранении этой оси как таковой. Время в большой мере утрачивает свою континуальную, непрерывную составляющую, перестает быть длительным, преемственным и протяженным, становясь все более дискретным, прерывистым, разорванным на отдельные, не связанные между собой эпизоды.

Отсюда такие черты современных акселерированных обществ, как «презентизм» массового сознания, находящегося во власти моды (А.Б. Гофман)⁹, «мгновенное время» (З. Бауман, Д. Урри)¹⁰, «сиюминутная жизнь»

⁷ См.: Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Весь мир, 2004. — С. 122-133.

⁸ Урри Д. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — С. 185.

⁹ См.: Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. 5-е изд. — М.: Книжный Дом «Университет», 2013. — С. 78.

¹⁰ См.: Бауман З. Текущая современность. — СПб: Питер, 2008. — С. 129; Урри Д. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — С. 179-189.

(З. Бауман)¹¹, «тирания момента» (Т. Эриксен)¹², «теперизм» (“nowism” — от английского “now”, «теперь») и «диктатура теперь», по выражению канадского историка Стивена Бертмана¹³.

Последний посвятил специальную работу «социальной стоимости скорости» и уделил особое внимание всеисильной власти настоящего, тесно связанной со всеобщим ускорением современной жизни. Отсюда такие характеристики современного общества, как «теперистское» (“nowist society”); «быстро движущееся» (“fast-moving society”); «спешащее» (“hurried society”); «акселерированное» (“accelerated society”); «синхронное» (“synchronous society”); «чувственное» (“sensory society”)¹⁴. В обществе, подчиненном власти настоящего, преобладают такие явления, как «этика, сосредоточенная на теперь» (“now-centered ethics”); «эрозия приватности» (“erosion of privacy”); мгновенные, непосредственные чувственные стимулы и удовольствия, касающиеся и любовных отношений; «Новый Примитивизм»; «акселерация детства»; «устаревание старого»; идеологическая поддержка ценности молодости как механизма воспроизводства «синхронного общества»; фрагментация и прерывистый характер жизни; упадок дискуссий, рефлексии, мудрости¹⁵. «Власть «теперь» заменяет долгосрочное краткосрочным, длительность незамедлительностью, постоянство мимолетностью, память чувственными восприятиями, постижение импульсами»¹⁶, — пишет Бертман.

В США власть скорости и настоящего воздействует даже на религиозную обрядность. Одна из церквей в Нью-Джерси предлагала, например, экспресс-богослужение: быстрое поклонение, краткое отпущение грехов, беглое заявление о вере, мини-молитва, небольшое песнопение, краткая подборка отрывков из Священного Писания и двухминутная проповедь. Пастор этого храма рекламирует его услуги следующим образом: «Дайте нам 22 минуты, и мы покажем вам Царство Божие»¹⁷. В общем, социальная цена скорости, рассмотрению которой посвящена книга канадского исследователя, оказывается весьма высокой.

Отрыв от прошлого и будущего, полное поглощение их настоящим, «презентизация» человеческого существования в результате тотального ускорения, сочетаются с делокализацией социальных процессов и собы-

¹¹ См.: Бауман З. *Текущая современность*. — СПб: Питер, 2008. — С. 135-140.

¹² Эриксен Т.Х. *Тирания момента. Время в эпоху информации*. — М.: Изд. «Весь мир», 2003.

¹³ См.: Bertman S. *Hyperculture. The Human Cost of Speed*. — Westport, Connecticut; London: Praeger, 1998. — P. XII, 14, 25, etc.

¹⁴ См.: Ibid. — P. 26, etc.; 70; 73; 51, etc.; 76.

¹⁵ См.: Ibid. — P. 91; 117-120; 70; 71, etc.; 87-88; 79-80; 50-51; 44; 51.

¹⁶ Ibid. — P. 3.

¹⁷ Ibid. — P. 112.

тий, их отрывом от определенных мест и диффузией в бесконечном планетарном и космическом пространстве. Эти процессы очевидным образом связаны с современными электронными технологиями коммуникации. Перефразируя знаменитое латинское выражение, можно сказать, что в современных обществах принцип “hic et nunc”, «здесь и теперь», сменился другим принципом – “ubique et nunc”, «везде и теперь».

Быстрее – значит лучше? Чем чревата неконтролируемая акселерация

Среди часто упоминаемых аналитиками следствий постоянного ускорения, следует отметить фрагментацию времени, пространства и образа жизни как такового, утрату целостности и устойчивости человеческого существования. Фрагментированное время превращается во множество разрозненных, не связанных между собой мгновений, эпизодов, событий. При этом наступление последующих мгновений сопровождается забвением, т.е. уничтожением предыдущих. Каждое следующее мгновение уничтожает предыдущие, а это чревато неспособностью понимания глубины и связей явлений и событий. Индивиды каждый раз воспринимают мир так, как будто они только что родились или, наоборот, как будто мир только что появился в своем первозданном виде, как будто до сих пор ничего не было. Отсюда в различных областях культуры столько псевдоновизны, которую ее творцы иногда совершенно искренне трактуют как новизну, не говоря уже об обыкновенных эпигонах и плагиаторах.

Культ молодости, связанный с культом скорости, отмечается многими исследователями. Наблюдается своего рода экспансия молодежной культуры на все общество, его «ювенилизация»¹⁸. В последней не было бы ничего плохого, если бы реально за ней не скрывалась инфантилизация общества, распространение невежества, представление о том, что до настоящего времени и теперешнего молодого поколения не было ничего или почти ничего. Культивируется представление о том, что история как будто вообще начинается только сейчас. Как справедливо замечает Стивен Бертман: «...В теперистском обществе каждое новое поколение выступает как хронологический конкистадор, убивающий и обращающий людей в новую веру с целью построить светлый новый мир на обломках прошлого. И в итоге вырастает поколение, которое может в своей собственной стране жить только как чужеземец»¹⁹.

¹⁸ См.: Гофман А.Б. Экспансия молодежного стиля // Гофман А.Б. Классическое и современное. Этюды по истории и теории социологии. – М.: Наука, 2003. – С. 732-738.

¹⁹ Bertman S. *Hyperculture. The Human Cost of Speed.* – Westport, Connecticut; London: Praeger, 1998. – P. 27.

Связь между мгновенным временем, скоростью и забвением, так же как и между медлительностью и работой памяти, очень точно и глубоко зафиксировал Милан Кундера в своем романе «Неспешность»: «Есть таинственная связь между медлительностью и памятью, между спешкой и забвением. ...Степень медлительности прямо пропорциональна интенсивности памяти; степень спешки прямо пропорциональна силе забвения»²⁰. В другом месте романа он дополняет и развивает этот тезис: «...Я вспомнил известное уравнение, приводимое на первых же страницах учебника экзистенциальной математики: степень скорости прямо пропорциональна интенсивности забвения. Из этого уравнения можно вывести различные следствия, например, такое: наша эпоха отдалась демону скорости и по этой причине, не в последнюю очередь, так легко позабыла самое себя. Но мне хотелось бы перевернуть это утверждение с ног на голову и сказать: нашу эпоху обуяла страсть к забвению, и, чтобы удовлетворить эту страсть, она отдалась демону скорости...»²¹.

Беспредельная власть настоящего означает, среди прочего, тот факт, что у нас оказывается просто меньше воспоминаний как таковых. Людям просто некогда заниматься воспоминаниями, так же, как и мечтами и планами на будущее. И те, и другие, и третьи вытесняются непосредственными восприятиями теперешнего времени, или, если угодно, своего рода воспоминаниями о настоящем. В данном случае прерывается временной континуум, в котором настоящее располагается между прошлым и будущим.

Явное негативное последствие интенсивной и повсеместной акселерации — трудность или даже невозможность сосредоточиться на чем-то, что мы считаем важным, да и вообще сосредоточиться на чем-либо. Можно, конечно, упрекнуть тех, кто сталкивается с подобной трудностью, в том, что они не могут идти, или, точнее, бежать «в ногу со временем». Согласно древним авторам, Юлий Цезарь мог делать сразу несколько дел одновременно. Однако сегодня ученые подвергают это сомнению, да и невозможно требовать от бесконечного множества обычных людей достоинств выдающегося государственного деятеля, полководца и писателя. Разумеется, мы вынуждены постоянно и быстро «переключаться» с одного занятия на другое, делая это с большим или меньшим успехом. Но вряд ли можно сомневаться в том, что в принципе это плохо сказывается на каждом из занятий.

²⁰ Кундера М. Неспешность (La Lenteur). Роман: Пер. с фр. Ю. Стефанов // Кундера М. Неспешность. Подлинность (L'Identit ). — СПб: Азбука-классика, 2005. — С. 40

²¹ Там же. — С. 119.

Еще одно негативное последствие быстрых скоростей и изменений – зачастую поверхностный, неглубокий характер их результатов. Если мы быстро путешествуем, едим или читаем, то мы не успеваем основательно проникнуться и насладиться объектами нашего восприятия и потребления. Быстрые социальные изменения нередко носят поверхностный характер, не затрагивая глубинных слоев реальности, иногда являясь своего рода перформансами, театральными спектаклями или вообще бутафорскими экспонатами. Развитие тогда происходит согласно французской поговорке: «Чем больше изменяется, тем больше остается самим собой», и, к сожалению, такого рода изменения мы слишком часто наблюдаем. Выражаясь парадоксально, можно сказать, что сегодня все изменяется так быстро, что не успевает измениться. Парадокс этот состоит в том, что быстро сменяющие друг друга изменения просто не успевают достаточно прочно закрепиться, утвердиться, обосноваться; в определенном смысле они вообще не происходят.

Другой парадокс, тесно связанный с предыдущим, состоит в том, что изменения не только происходят слишком быстро, но и слишком быстро прекращаются. Иногда они заканчиваются, едва начавшись и не успевая в сущности произойти. Если, при лихорадочных темпах социальных изменений, цикл внедрения и усвоения инноваций заканчивается на первой же фазе инновационного цикла, то это очевидным образом означает отсутствие инноваций как таковых.

Серьезная проблема нашего времени трудности адаптации к огромным скоростям и чрезвычайно быстрым изменениям, а иногда и неспособность индивидов, обществ и государств к подобной адаптации. Это относится, в частности, к ограниченным возможностям восприятия и потребления информации, производимой и распространяемой чрезвычайно быстро и в больших объемах. Речь идет о психофизиологических возможностях индивидов, которые зачастую не способны ее усвоить и «переварить», идет ли речь о повседневной жизни, образовании или профессиональной деятельности. Научившись быстро и много производить и распространять в информационной сфере, мы далеко не всегда можем так же быстро и много потреблять.

В быстро движущихся информационных потоках реципиентам информации ставится особенно трудно осуществлять селекцию того, что для них важно и нужно, а что нет. И делать это становится все трудней. Более того, информационное пространство вообще оказывается чрезвычайно засоренным, и в нем оказывается много того, что никому не нужно и никогда нужно не будет. Небывальными темпами происходит загрязнение информационной среды. Не производить, не распространять, не потреблять

заведомо некачественную продукцию становится большой проблемой, идет ли речь о науке, художественной культуре, политике или товарах массового потребления.

К этой же проблеме примыкает другая, а именно уничтожение информационного мусора. Опасность избытков такого мусора при этом состоит не только в нем самом. Дело еще и в том, что в громадных и быстро несущихся информационных потоках становится очень трудно отделить от некачественного, бесполезного, мусорного, необходимое, важное, даже подлинные ценности и шедевры, которые в этих потоках могут растворяться, теряться и пропадать навсегда. Иногда оказывается легче изобрести вновь нечто ценное и необходимое, чем найти его, уже существующее, в этих мутных потоках. Чрезмерное ускорение может затруднять естественный отбор в сфере культуры, наводняя ее быстро производимой некачественной продукцией и переработанным информационным мусором.

Замедляться! Но только там, где это необходимо

Что же делать? Что противопоставить безудержному и тотальному ускорению? Отказаться от достижений цивилизации? Превратить современного человека в апатичное инертное существо, топчущееся или кружащееся на одном месте? Остановиться, застыть, впасть в неподвижное состояние? Вернуться к архаическим временам и культурным образцам? Такого рода рецепты в современном мире существуют. Их мы находим в различных вариантах антимодернистских идеологий, национализма, религиозного традиционализма и фундаментализма. Очевидным недостатком такого рода идеологий можно считать их разрушительный и антигуманный характер. В данном случае речь может идти не об уменьшении, а об увеличении скорости, скорости тотального разрушения, движения вспять, в направлении деградации человеческого рода и ликвидации его достижений.

Но есть и другая альтернатива всеобщей акселерации. Это выбор оптимальной темпоральности, которая бы не вызывала остановку, стагнацию и деградацию, а сочетала бы в себе определенные параметры ускорения и замедления, гармонии и ритма, необходимые если не для счастливого, то хотя бы для более или менее «нормального» человеческого существования. Речь идет не просто о замедлении темпа, а о том, чтобы поставить скорость под контроль, ускоряясь или замедляясь на основе определенных ценностей, необходимости и здравого смысла. Чтобы этого добиться, требуется прежде всего избавиться от культа скорости. Основная цель состоит в том, чтобы перейти от подчинения всесильной скорости к власти над ней. Здесь речь идет, по существу, об одном из важнейших из-

мерений человеческой свободы: ведь кто властвует над временем, тот властвует и над собой, и над всем остальным.

Социальное признание проблемы скорости, необходимости ее обуздания нового подхода к темпоральной политике аналитики зафиксировали еще в 1980-1990-х гг. Странники этого подхода, тогдашние «еретики», восставшие против культа скорости, принадлежали к самым различным социальным движениям, среди которых: экологическое, феминистское, за производство биологически чистых продуктов, за целостный подход к охране здоровья, за права животных, за подобающие технологии, за экономическую демократию, за разоружение и т.д. Все они, так или иначе, подчеркивали долгосрочные негативные последствия фанатичной одержимости скоростью и необходимость приведения темпов социально-экономической жизни в соответствие с требованиями природы.

Как предсказывал еще в 1986 г. известный социальный философ Джереми Рифкин (США), все эти еретики в подходе к новому времени в ближайшие годы станут политической силой, с которой нужно будет считаться, поскольку время становится центром политических баталий в стране и в мире. «Политика, долгое время считавшаяся пространственной наукой, теперь близка к тому, чтобы рассматриваться как временное искусство. К политике территории скоро может присоединиться политика темпоральности»²².

Предсказание Рифкина полностью подтвердилось. К началу XXI в. новый подход ко времени и к скорости занял важное место в самых различных социальных движениях и идейных течениях. Более того, возникло движение, целиком сосредоточенное на решении проблемы замедления скорости и изменения политики времени. Это так называемое «Медленное Движение» (“Slow Movement”), а вместе с ним – новая культура и новое, довольно значительное и растущее меньшинство. Движение, хотя и обладает идейным единством, оно разнородно, действует в самых разных областях, не имея единого центра и общих организационных рамок.

Своего рода манифестом движения стала книга одного из его главных идеологов, канадского журналиста Карла Оноре «Похвала медленному. Как одно всемирно известное движение бросает вызов культу скорости» (“In Praise of Slow. How a Worldwide Movement Is Challenging the Cult of Speed”), впервые изданная в 2004 г.²³. (В последствии автор опубли-

²² Rifkin J. *Time Wars. The Primary Conflict in Human History* (1986). – N.Y., etc. Simon&Schuster, 1989. – P. 13.

²³ В русском переводе: Оноре К. Без суеты. Как перестать спешить и начать жить. 2-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2015.

ликовал еще ряд работ на тему «медлительности»). Следует отметить, что Оноре в своей книге говорит не столько о том, что должно быть, сколько о реально существующем социокультурном опыте, о том, что уже существует и что достойно популяризации, продолжения и развития.

Характеризуя идеологию «Медленного движения», Оноре подчеркивает, что речь идет не о преходящей моде, а о фундаментальном явлении, охватывающем самые разные стороны жизни и затрагивающем жизненно важные проблемы современного мира. Для достижения главных целей движения, с его точки зрения, «понадобится и кроткое убеждение, и вдохновенная проповедь, и жесткое законодательство, и международный консенсус»²⁴. Характеризуя различные аспекты «Медленного Движения», его достижения в различных странах и областях жизни, он рассказывает также о собственном опыте преодоления «спидоголизма» и нового отношения к скорости. При этом он не призывает заменить культ высокой скорости противоположным культом всеобщей медлительности. Он подчеркивает, что необходим средний путь, разумный, оптимальный, учитывающий разнообразие жизненных ситуаций и индивидуальные особенности людей: «Весь секрет в равновесии; не надо делать все быстрее, делайте все с правильной скоростью: что-то быстро, что-то медленно, что-то не очень быстро, но и не очень медленно»²⁵.

Медленное движение началось со сферы питания: в противовес «фаст-фуду» было создано движение «Слоу-фуд». Создателем его явился итальянский общественный деятель Карло Петрини. Историю «Медленного Движения» обычно начинают с 1986 г., когда на площади Испании в Риме, в противовес только что открытому там «Макдональдсу», он организовал традиционную итальянскую трапезу, в которой спагетти в качестве еды более высокого качества демонстративно было противопоставлено гамбургеру. Официально созданное в декабре 1989 г. в Париже, Международное движение «Слоу-Фуд» («International Slow Food movement»), которое выбрало в качестве своей эмблемы изображение улитки, приобрело планетарный масштаб и огромное влияние.

Помимо Карло Петрини и Карла Оноре, к родоначальникам «Медленного Движения» относят и создателя «Мирового Института медленности» («The World Institute of Slowness»), норвежского специалиста в области организационной психологии Гейра Бертелсена (Geir Berthelsen). К числу тех, кто внес значительный интеллектуальный вклад в становление и раз-

²⁴ Оноре К. Без суеты. Как перестать спешить и начать жить. 2-е изд. – М.: Альпина Паблшер, 2015. – С. 246.

²⁵ Там же. – С. 242.

вите этого движения, следует, безусловно, отнести немецкого писателя Стена Надольного, автора романа «Открытие медлительности» (1983), посвященного чрезвычайно «медлительному» и вместе с тем выдающемуся британскому мореплавателю Джону Франклину, и чешско-французского писателя Милана Кундера, произведения которого содержат глубокие философские рассуждения о времени и связанных с ним явлениях²⁶.

Начавшись в сфере питания, «Медленное Движение» распространилось на многие другие области человеческой жизнедеятельности. Как заметил Карл Оноре, «убедившись в преимуществах неторопливости в одной сфере, люди начинают применять те же принципы и в других областях своей жизни»²⁷.

Неполный перечень тех сфер, в которых «Медленное Движение» утвердилось или утверждается более или менее основательно, мы находим, в частности, в статье «Медленное движение» (определяемое как «культура замедления ритма жизни»), опубликованной в Википедии²⁸. Среди них, в частности, *медленный город (cittaslow)*, *медленное старение*, *медленное искусство*, *медленная церковь*, *медленное воспитание*, *медленное образование*, *медленное консультирование*, *медленная наука*, *медленный маркетинг*, *медленные медиа*, *медленная мода*, *медленные деньги*, *медленные стартапы*, *медленная фотография*, *медленное садоводство*, *медленное путешествие*, *медленное чтение*²⁹.

Помимо упомянутого «Мирового института медленности», в списке организаций, так или иначе представляющих Медленное движение, — американский фонд «Продлить мгновение» (“Long Now Foundation”), европейское «Сообщество замедления времени» (“Society for the Deceleration of Time”), «Международный институт неделания слишком многого» (“International Institute of Not Doing Much”) и японский «Праздный Клуб» (“Sloth Club”).

²⁶ См.: Надольный С. Открытие медлительности. — СПб: Азбука-классика, 2006; Кундера М. Неспешность (LaLenteur). Роман // Кундера М. Неспешность. Подлинность (L'Identit ). — СПб: Азбука-классика, 2005.

²⁷ Оноре К. Без суеты. Как перестать спешить и начать жить. 2-е изд. — М.: Альпина Паблишер, 2015. — С. 244.

²⁸ См.: Медленное движение // ru.wikipedia.org (дата обращения — 14.02.2017).

²⁹ На протяжении более десяти лет автор этих строк, в противовес многочисленным курсам быстрого чтения, пропагандирует, правда, не очень энергично и успешно, бизнес-идею организации курсов медленного чтения. Идея родилась, конечно, в результате разочарования автора, преподающего социологию, качеством усвоения студентами быстро читаемых ими («фаст-ридинг», видимо, изредка прерываемый «фаст-фудом»?) социологических текстов. Впрочем, попытка медленного чтения и совместного обсуждения студентами одного труда одного классика социологии («Метода социологии» Эмиля Дюркгейма) на протяжении целого семестра автором однажды предпринималась. К сожалению, по объективным причинам продолжения она не получила.

Об особенностях российского социокультурного времени

До сих пор речь шла тенденциях и процессах международного или мирового масштаба и характера. А как выглядит вся эта проблематика в России? Актуальна ли для российского общества тема акселерации и замедления? Разумеется, в нем эта тема в чем-то совпадает с тенденциями, наблюдаемыми в других странах и в мире, а в чем-то отличается от них; иногда это совпадение носит синхронный, иногда диахронный характер, когда общие черты отношения к времени обнаруживаются в разные периоды.

В прошлом, там, где другие европейские общества, страдавшие от перепроизводства социально-экономических благ, вынуждены были притормаживать, российское общество стремилось наращивать темпы развития. Советская эпоха, включая ленинский, сталинский и хрущевский периоды, была попыткой осуществить догоняющую модернизацию производства под основополагающим лозунгом «Догнать и перегнать!» (развитые капиталистические страны). Под влиянием этого лозунга в 30-е годы прошлого века в СССР существовали даже личные имена Догнат-Перегнат, Догнатий-Перегнатий; для близнецов — Догнат и Перегнат³⁰. Тогда же был создан знаменитый токарный станок ДИП-200 (аббревиатура от «догнать и перегнать»).

В период брежневского «застоя», когда стало ясно, что «догнать-перегнать» не удаётся, и построение «светлого будущего», т.е. коммунизма, откладывается на неопределенное время, в оборот была запущена концепция «развитого социализма», согласно которой стагнация и инерция получали определенное идеологическое оправдание, а «догонять и перегонять» уже никого не нужно было. Тогда же в работе советской агитационно-пропагандистской машины произошел поворот к определенным формам традиционализма, и «светлое будущее» постепенно стало превращаться в «славное прошлое»: на первый план была выдвинута задача воспитания трудящихся на революционных, боевых и трудовых традициях, сформированных предыдущими поколениями. Одним из первых и основных направлений горбачевской перестройки стало «ускорение», что явилось реакцией на стагнацию предыдущего периода и свидетельством того, что даже лидеры советской системы стали осознавать, хотя и со значительным опозданием, ее застойный и бесперспективный характер.

Низкие темпы социально-экономического развития страны были связаны с тем, что, несмотря на формально провозглашенную ориентацию на будущее, в советском обществе отсутствовали подлинные стиму-

³⁰ См.: *Словарь русских личных имён* / Под ред. Н. Петровского. — М.: Советская энциклопедия, 1966.

лы к инновациям, заменить которые не могли никакие лозунги и призывы. Отсутствие этих стимулов дополнялось традиционной неэффективностью огромного и неповоротливого бюрократического аппарата. О проблемах времени в советской производственной системе и попытках «ускориться» в ней свидетельствуют такие пришедшие из советского пропагандистского лексикона выражения, как «штурмовщина», «долгострой», «пятилетку в четыре года», «трудовая вахта» (особенно интенсивная работа производственного коллектива в честь какого-либо события или праздника), «повышенные производственные обязательства» и т.п.

Что касается скорости советского потребления, то здесь она блокировалась неэффективностью хозяйственных механизмов и всеобщим дефицитом. Даже в относительно благополучное время «застоя», хотя моральное устаревание потребительских благ и имело место, его циклы были чрезвычайно длительными. Сложность ситуации усугублялась тем, что советские потребители были неплохо информированы о том, какие товары качественные и модные, а какие нет, но в дефицитарном обществе «развитого социализма» они были мало доступны или вообще недоступны.

Существовало противоречие между относительной доступностью образцов высококачественных потребительских благ (проникавших в страну вопреки «железному занавесу» и благодаря влиянию культурных контактов, туризма, телевидения и т.п.) и недоступностью *самих этих благ*, что постоянно вызывало у советского человека состояние своего рода потребительского невроза, фрустрации и депривации. Это, в свою очередь, стимулировало повышенную активность довольно значительных масс потребителей, занятых постоянной лихорадочной погоней за дефицитными товарами (а почти все они были дефицитными). В их измученных этой погоней сердцах призывы официальной пропаганды не впадать в грех *потребительства* не находили отклика.

В постсоветской России дефицит исчез, и потребительское поведение довольно значительных масс населения несколько нормализовалось, стало менее напряженным и суетливым. Потребляемые товары приблизились к их желаемым образам. Тем не менее, вследствие ограниченности финансовых возможностей, потребление широких социальных слоев остается достаточно медленным и неподвижным, как и сами представители этих слоев. Здесь еще есть, кому и когда ускоряться.

Тем более это относится к трудовой сфере. Состояние трудовой этики в российском обществе таково, что призывать к замедлению в этой области нет никаких оснований. Наоборот, учитывая, в частности, весьма низкий уровень производительности труда, необходимы максимальная мобилизация, динамизм и стимулирование трудовых усилий. В дан-

ном случае, осуществлять призывы сторонников Медленного движения сбавить обороты и оценить прелесть *dolce far niente*, блаженного ничегонеделания, в целом пока рановато. Разумеется, и в России немало трудоголиков, которым необходимо притормаживать. Не вызывает сомнений, что и здесь необходимо разумное сочетание ускорения и замедления для достижения наиболее высоких результатов. Очевидно, что тормозить надо тем, кто движется слишком быстро, но не тем, кто и так движется слишком медленно.

В России действуют мощные, хорошо известные механизмы торможения, инерции и архаизации, причем в самых различных областях: социальной, экономической, политической, управленческой, культурной и т.п. В этом смысле «Медленное Движение», хотя и своеобразное, самобытное, в стране, безусловно, существует. Более того, активно поддерживаемое государством, оно получило значительное развитие. Выражаясь парадоксально, в российском обществе всеобщее замедление происходит очень быстро. Между тем, страна остро нуждается в развитии и модернизации различных сфер жизни, а для этого ей требуется преодоление многочисленных механизмов торможения, значительные усилия и высокая скорость.

Впрочем, в России наблюдается также ряд элементов и признаков собственно Медленного движения, существующего и во многих других странах. Это относится и к росту популярности в стране таких мировых тенденций, как медленное питание, отказ от иррационального потребления, дауншифтинг, экологическое движение, стремление к опрощению, субурбанизм, рурализация и т.д.

Ряд идей и ценностей, касающихся мудрого обращения со временем, можно почерпнуть в российском культурном наследии. Они вполне могут быть развиты, актуализированы и использованы для формирования серьезной политики в отношении времени, политики, которая бы разумно сочетала ускорение и замедление. В этом наследии мы находим страстное стремление к движению в будущее, уважительное и критическое отношение к прошлому, внимание к настоящему, а также глубокую философию времени, как быстрого, так и медленного.

Ведь Россия – страна К.Э. Циолковского и А.Л. Чижевского, Л.Н. Толстого и толстовства. Именно здесь, задолго до зарождения Медленного движения, один поэт готов был променять «роскошные пиры, забавы, заблужденья» на «праздность вольную, подругу размышленья» и сформулировал важнейшую для нашего времени мысль о том, что «служенье музне терпит суеты». А другой, спустя много лет, поделился с миром своим знанием о времени, имеющем важнейшее значение для всех и для каждого:

«Мы знаем: время растяжимо. / Оно зависит от того, / Какого рода содержанием / Вы наполняете его».

В одних случаях время необходимо сжимать, в других, наоборот, растягивать. Очевидно, что призыв к замедлению уместно обращать только к тем, кто слишком разогнался. Для них требуется растянуть время, выводя его из плена мгновенного настоящего. В данном случае такие будто бы бесполезные занятия, как неспешная беседа с друзьями, рефлексия, созерцание, медитация, совсем не бесполезны. Но значительная часть людей в современном мире никуда не спешит и не суетится, пребывая в состоянии ленивого безделья, бессмысленного времяпрепровождения, скучной рутины и тупой, апатичной неподвижности.

Подобное состояние нередко сменяется проявлениями злобного фанатизма и агрессивной одержимости или же соседствует с ними. Рекомендовать им замедляться абсурдно. В целом, задача стратегии и политики времени состоит, очевидно, в том, чтобы наполнить человеческое существование достойными содержаниями, выбирая для их реализации подобающий темп и создавая для этого соответствующие условия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М.: Весь мир, 2004.
2. Бауман З. Текучая современность. – СПб: Питер, 2008.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
4. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004.
5. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. 5-е изд. – М.: Книжный Дом «Университет», 2013.
6. Гофман А.Б. Экспансия молодежного стиля // Гофман А.Б. Классическое и современное. Этюды по истории и теории социологии. – М.: Наука, 2003. – С. 732-738.
7. Кундера М. Неспешность (La Lenteur). Роман: Пер. с фр. Ю. Стефанов // Кундера М. Неспешность. Подлинность (L'Identité). – СПб: Азбука-классика, 2005.
8. Кундера М. Неспешность (La Lenteur). Роман // Кундера М. Неспешность. Подлинность (L'Identité). – СПб: Азбука-классика, 2005.
9. Надольный С. Открытие медлительности. – СПб: Азбука-классика, 2006.
10. Оноре К. Без суеты. Как перестать спешить и начать жить. 2-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2015.
11. Словарь русских личных имён / Под ред. Н. Петровского. – М.: Советская энциклопедия, 1966.
12. Урри Д. Мобильности. – М.: Праксис, 2012.
13. Урри Д. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
14. Эрикссон Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. – М.: Изд. «Весь мир», 2003.
15. Bertman S. *Hyperculture. The Human Cost of Speed.* – Westport, Connecticut; London: Praeger, 1998.